

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник— четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>

<http://vk.com/vounb>

e-mail: vounb@mail.ru

+7 (473) 255-05-91

1 КЗ-12

Музей литературы
Воронежского края
имени И. С. Никитина

О. ЗАБЫТЫЙ (Г. И. Недетовский)

Провинциальный редактор
у графа Лорис-Меликова

Неизданный рассказ с предисловием
А. М. ПУТИНЦЕВА

В О Р О Н Е Ж
Изд-во «Ворон. Коммуна» (Пр. Рев. 21)
1928 г.

14
38

7,05.00

Г. М. Коммуна

КЗ-12

**Музей литературы
Воронежского края
имени И. С. Никитина**

О. ЗАБЫТЫЙ (Г. И. Недетовский)

**Провинциальный редактор
у графа Лорис-Меликова**

Неизданный рассказ с предисловием
А. М. ПУТИНЦЕВА

**ВОРОНЕЖСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА им. И. С. НИКИТИНА**

ВОРОНЕЖ
Изд-во «Ворон. Коммуна» (Пр. Рев. 21)
1928 г.

М 767804

80
12 14

P1-3

Опубликовываемый неизданный рассказ О. Забытого (Г. И. Недетовского), довольно известного воронежского беллетриста 80—90 годов прошлого столетия, относится к последнему времени его жизни: рассказ имеет дату—14 ноября 1917 г. Рукопись рассказа вместе с прочими бумагами покойного писателя была передана его дочерью А. Г. Виноградовой в Никитинский музей. Рассказ вполне закончен и имеет вид окончательно отделанного, уже приготовленного для напечатания произведения.

В виду того, что рассказ имеет несомненный широкий интерес, считаем нужным его опубликовать.

«Провинциальный редактор у графа Лорис-Меликова», как художественное произведение отличается несомненными достоинствами: имеет занимательную фабулу, развернутую в интересной форме, богат мастерскими описаниями бытовых сцен и типов, блещет сочным языком и проникнут обычным для автора юмором. Под пером автора русская провинция восьмидесятых годов трещащая от страха пред всемогущим «ревизором», оживает со всем укладом жизни и местными деятелями. Несколькими черточками, но удивительно верно и метко схвачен облик «диктатора сердца»—гр. Лорис-Меликова, обрисованный, нужно сказать, с полным беспристрастием.

Как известно, в произведениях О. Забытого местный, в значительной части воронежский, колорит накладывает на содержание сильный отпечаток.

То же и здесь: автор воспроизвел

Воронеж, воронежскую жизнь и воронежских деятелей 80-ых годов прошлого столетия. Значит, для воронежских читателей «Провинциальный редактор» О. Забытого представляет большой интерес, как картинка местной жизни конца прошлого столетия.

Но, разумеется, интерес данного произведения гораздо шире местного не только потому, что здесь фигурирует гр. Лорис-Меликов—любопытная фигура русской истории, но и потому еще, что картина провинциальной жизни—типична для всей России конца девятнадцатого века. Надо поставить в заслугу автору, что он с удивительным беспристрастием обрисовал гр. Лорис-Меликова, искусно вскрыв при этом всю пошлую мишуру «диктатора сердца», перед которой наивно преклонялись даже такие люди, как известный д-р Белоголовый и показав подлинное лицо того двуликого Януса, «диктатора сердца», который обладал способностью вещать сладкие обещания обществу и в то же время казнить его лучших представителей под видом государственных преступников. Нечего и говорить, что положение нашей злополучной провинциальной печати в эпоху 80-ых годов обрисовано также поразительно верно.

Таким образом, и по своим художественным достоинствам, и по своей общественной значимости «Провинциальный редактор» у гр. Лорис-Меликова» О. Забытого может по праву занять место рядом с произведениями М. Е. Салтыкова (Щедрина), который, кстати сказать, высоко ценил талант воронежского беллетриста.

Алексей Путинцев.

— Наконец-то эти неумолкаемые говоруны убрались от нас, и хорошо бы нам в этом купе остаться подольше только вдвоем,—сказал мой спутник, ранее назвавший мне себя редактором газеты, Семеном Семеновичем Трудниковым.

Я тоже выразил удовольствие по случаю избавления от надоедливых пассажиров.

—И что это им вздумалось заговорить о Лорис-Меликове, да еще всячески восхвалять его?— продолжал Семен Семенович.—Я несколько раз порывался возражать им, но меня удерживала мысль, что это бесполезно, неудобно, а, может быть, и не безопасно...

— Лорис-Меликов,— говорю я,— крупная историческая величина с прогрессивным политическим настроением. Так он успел определиться во мнении русского общества. А вы, по видимому, против него. Почему это?

— Вы, очевидно, припомнили расскази о том, что он чуть было не ввел у нас конституцию. Но я никак не могу допустить, чтобы мысль о такой реформе и инициатива попытки ее осуществления могли принадлежать лично ему. А главное, я имел случай удостоиться его лицемерия и воспринять от него непосредственно такие впечатления, которые совершенно не располагают к восхвалению его.

— Вот что! Это интересно. Не будете ли любезны рассказать мне про этот случай.

— Гм... Не знаю, право... Тяжело... Никому еще не рассказывал... Но рассказать, действительно, стоит, особенно ввиду вот таких излишних восхвалений.

Он прижался близ окна в угол дивана и начал рассказ:

— Когда Лорис был уже министром внутренних дел, ему однажды почему-то вздумалось приехать в наш город. Приехал он важно, со свитой и занял главнейшие номера большой гостиницы. О цели его приезда никто определенно не знал. Многим казалось, что он явился что-то выследить и кого-то за что-то покарать. Чиновный люд не только министерства внутренних дел, но и других ведомств чувствовал безотчетный трепет во все дни его пребывания в нашем городе. Со всевозможными вариациями передавались оживленные толки о том, кого он вчера и сегодня принимал, какие учреждения посещал, как себя держал, что кому сказал и т. п. Все эти толки, конечно, быстро доходили в мой редакторский кабинет. В печати приходилось сообщать о днях графа по необходимости лишь с лаконичною торжественностью «изволил посетить... соблаговолил удостоить внимания... препо-

дать руководственные указания... немедленно сделать давно ожидаемые строгоцелесообразные распоряжения»... и проч. в этом роде. Вообще выходило по печатным сообщениям, что граф с утра до ночи только и делал, что всюду светил и благодетельствовал. А между тем в действительности от него шло больше теней, чем света. Для краткости я прямо перейду к рассказу о том, как он отнесся ко мне. Впрочем, виноват, не могу, не могу не уклониться немножко в сторону. Мой хороший знакомый, уважаемый в городе потомственный почетный гражданин, добродушнейший старичек, открывший школу имени своего отца, сильно желал показать графу эту школу. Узнавши, что граф посещает учебные заведения, он представился великому человеку и почтительно пригласил его осчастливить посещением его школу.

— После!—бросил граф в ответ.

Старичек пожелал, во что бы то ни стало, дожидаться этого «после», чтоб потом проводить графа в школу и показать ему ее с надлежащими объяснениями. Он переезжал вслед за графом во все посещаемые им заведения и в коридоре поджидал, что вот-вот граф скажет ему при выходе из заведения:

— Ну, почтеннейший, теперь поедьте в вашу школу.

Но кончилось это совсем иначе. Выходя из актового зала одного учебного заведения и увидя в коридоре уже раз в пятый все того же старичка, граф, обращаясь к губернатору и жандармскому полковнику, недовольным тоном проговорил:

— Защитите меня, пожалуйста, от этого господина: он меня неотступно преследует, так что я начинаю его бояться.

Старичек с'ежился и до того растерялся, что не мог выговорить ни слова. Но не завидно было положение и властных персон, приглашенных защитить всемогущего министра от кроткого старца-мецената. Когда мне передали эту сцену, я крайне возмутился издевательством графа над милым старичком.

А теперь—о себе.

Призывает меня губернатор часов в девять вечера и говорит:

— Его сиятельство, министр—граф Лорис-Меликов приказал вам явиться к нему в гостиницу завтра в 11 часов утра. Исполните это в точности.

— Что такое? Зачем бы это такое?

— Не знаю,—он не сказал зачем, а спрашивать его нельзя. Я к слову постарался дать ему понять, что у меня печать содержится в законном порядке. Он не возразил, а что у него

на уме — бог его знает. Меня самого этот вопрос интересует не менее, чем вас. И вы завтра немедленно сообщите мне, о чем он с вами говорил.

— Слушаю. А вы, ваше превосходительство, в случае гнева на меня с его стороны, пожалуйста, защитите меня.

— Конечно, конечно.

И напал на меня страх. Думаю: силаща! Ветлянскую чуму укротил, взял Карс, держал в ежовых рукавицах Харьков и теперь с такими грозными полномочиями... Дунет на тебя—и нет тебя на свете. Хожу сам не свой. Мысли путаются. Неужели он уследил сам или ему указали в моей газете что-нибудь вольное, зловредное? Но, господи, ведь я взвешивал не только каждую строчку, но и каждое словечко как в своих статьях, так и в статьях сотрудников. И что же вы думаете? Я достал за несколько последних месяцев номера своей газеты и далеко за полночь пересматривал их, стараясь угадать, какие статейки или какие строчки могли бы показаться хоть сколько-нибудь подозрительными для него. Кое-что внес себе в записную книжку, на всякий случай, если коснется речь... Утром встал рано, на уме все он. Тут прибавились другие заботы, в иное время необычные для меня: кабую

ВОРОНЕЖСКАЯ ОБЛАСТНАЯ

БИБЛИОТЕКА им. И. С. НИКИТИНА

1088797M

сорочку надеть, какой галстук подвязать, в сюртуке или во фраке к нему явиться. Внимательно осмотрел свой фрак и сюртук, оба старые, помятые и несколько попачканные. Горе! Решил взять на прокат хорошую фракную пару. Где наше не пропадало? Этим делу не повредишь. Иду к этакой особе... Первое впечатление... «По одежде встречают»... И хорошо, что он вчера сразу меня не потребовал. Теперь я, по крайней мере, исподволь подготовился и насчет газеты, и насчет своей внешности и костюма. Жена и дети встревожились за меня, ухаживают за мной. Жена на прощанье даже благословила меня.

Вхожу в средний коридор гостиницы. Около дверей самого несколько военных и гражданских лиц. Между прочим, наш полицеймейстер. Без десяти минут одиннадцать.

Подхожу к полицеймейстеру и говорю:

— Мне приказано явиться к его сиятельству в 11 часов, но, должно быть, долго придется ждать.

— Почему?

— Да, ведь, вот еще несколько человек раньше меня пришли и дожидаются.

— Это—не дожидаются, а... Это

так нужно. А вы помните свой срок. Ведь, он—точнее всякого барометра и термометра,—заклучил полицеймейстер эффектным сравнением.

Осталось еще 6 минут. Я отошел несколько шагов, заглянул на себя в зеркало, поправил волосы, галстук, испустил глубокий вздох и, вернувшись, словно прилип к таинственной двери.

Раздается изнутри звонок. Дверь распахивается, из нее выходит знакомый мне—но в этом случае все равно, что незнакомый—господин. Мне кто-то молча делает приглашительный знак. Я еще раз испускаю глубокий вздох и... всту-па-ю.

Граф сидит среди большого зала за большим письменным столом. Кланяюсь ему издали, подхожу к столу, снова кланяюсь и называю себя. Взглядывает на меня простреливающими глазами и протягивает мне руку.

— Садитесь,—буркнул он, делая небрежный жест в сторону ближайшего кресла.

Я не сразу воспользовался этим предложением.

— Когда вам говорят: садитесь, то это так и нужно понять, что нужно сесть, а не стоять,—проговорил он наставительным тоном.

Я сел. Гляжу, перед ним лежит последний номер моей газеты. Ну

думаю, сейчас начнется разнос. Берегись, редактор... Граф откинулся на спинку кресел, сделал ко мне полуоборот и снова вперил в меня... молниеносные (чувствую слабость этого эпитета)... молниеносные очи.

— Счел долгом явиться по требованию вашего сиятельства... к услугам... и в распоряжение вашего сиятельства, — нетвердо проговорил я, чувствуя удары своего сердца.

— Вот что,—начал он, не спуская с меня глаз:—сколько в этом городе домов терпимости и сколько между ними вполне приличных и обставленных гигиенично?

Пораженный неожиданностью и странностью вопросов и его боевым взором, я растерялся и, до ответа на эти вопросы, машинально вынул из кармана платок и несколько раз провел им себя по лицу. А он все смотрит на меня, в ожидании ответа. Наконец я хриплым голосом порговорил:

— Ничего этого я не знаю, ваше сиятельство.

— Почему?—воскликнул он.— Вы обязаны это знать! Вы—местный редактор и, конечно, считаете себя и другие вас считают руководителем общественного мнения. А чтобы быть руководителем общественного мнения, для этого необхо-

---

димо знать и хорошо изучить жизнь данного общества во всех его сферах. А сфера, которой я коснулся в своих вопросах, очень важная...

— Я всегда понимал это значение, но не мог думать, что счет домов терпимости и осмотр их обстановки входит в число обязанностей местной прессы. Интересующие вас сведения могут доставить вашему сиятельству полицеймейстер и соответствующие врачи.

— Я пригласил вас не для советов мне, а для доставления мне сведений, которые вы обязаны были иметь,— сердито проговорил граф, быстро заморгал, отвернулся и, махнув рукой по направлению к двери, отрывисто добавил:

— Прием кончен.

Когда я встал, чтобы уйти, он все-таки сунул мне руку, но так, словно толкнул меня от себя. Дойдя почти до двери, я обернулся к нему и говорю:

— Впрочем, если прикажете, я соберу эти сведения у кого следует и доставлю вам.

А он:

— План дальнейших моих действий предоставьте мне.

Выйдя на улицу и чувствуя себя ошеломленным, я бессознательно зашагал совсем не туда, куда мне нужно было идти. А в воображении живо вырисовывается физиономия лютого горца-графа и в ушах продолжают слышаться странные слова... Вдруг вспоминаю про губернатора и тут же соображаю, что я заблудился среди белого дня в центре своего города. Повернул в иную сторону, к губернаторскому дому. Иду да и думаю: хоть он меня теперь и ждет, но что же я ему расскажу? Не могу же я передать ему грустную и оскорбительную для меня суть этой нелепой аудиенции. Он может передать это другим—и я могу сделаться предметом зубоскальства нашей малокультурной публики. Зайти к нему нужно, но правды ему не говорить, а что-нибудь солгать Кое-что надумал правдоподобное, зашел и солгал.

Прихожу домой усталый, словно разбитый... Семья с нетерпением встречает меня в передней. Жена и старшие дети наперебой спрашивают меня:

— Ну, что? Ну, как? Интересно? Благополучно?

— Благополучно.

— В чем же дело? Поскорей и по-подробней..

— Вообще—благополучно. А подробностей не ждите никаких...

— Почему?

— Потому, что все время речь у нас шла о политических и секретных делах и граф строжайше приказал мне ни слова из нашей беседы не передавать никому, даже самым близким людям.

Поверили, мои милые, и не приставали.

И я доселе крепился, даже жене не сказал, о чем говорил со мной граф. С вами вот как-то не выдержал, в силу давно подмеченной в русских людях склонности излишне откровенничать в дороге даже с незнакомыми людьми. Но и вас я покорнейше прошу никому не передавать этого моего рассказа, пока я жив.

Рассказчик-редактор давно умер, с ним умерла и его газета. Семья его тоже уже не существует. Вот почему я не постеснялся рассказать печатно этот характерный эпизодик из жизни провинциального редактора.

14/XI—1917 г.

Перепечатано из «Литератур-
ной Страницы» (приложение
к газете «Ворон. Коммуна»)
1927 г., №№ 22-24.

100

XIII

40